

Феномен культуры

Михаил Турбин

У памятника Пушкину

Язык народа памятью здоров,
Все наносное в нем отколбродит.
О Пушкине не надо громких слов,
Он Божье слово в русском переводе.

Ему любой подходит пьедестал,
Какой бы ни поставили на смену.
Он нам пером, как скульптор, изваял
Такие образы, что неподвластны тлену.

Без Пушкина уже идут на слом
Простые смыслы и темнеют краски.
Мы богачи, наследники его.
Он «наше все», до узелка завязки.

Единство наше и сегодня в нем!
Он дан нам для духовного накала,
Когда «все наше» отдадут на слом –
Все, что России силы придавало.

Но Пушкин – свет в эпоху перемен
И кислород, когда почти не дышим.
Так высота, не взятая никем,
Манит, чтобы подняться выше.

Читая Н.Я. Данилевского

Нас создал снег, учил мороз трескучий,
Мы не Европа, а особый мир.
Наш человек ничем других не круче,
Но в мышловке у него вкуснее сыр.

Привык он жить с народами
по-братски,
Лишь во хмелю хватается за дрын...
Он европейский парень,
или азиатский?
Ответит утром, протрезев:
«Христианин!»

И в рожу даст за поруганье веры,
И кровь обмыт к колодузу ответед.
В нем широта непостижимой меры,
Он сам себя не знает наперед.

В нем русский дух не до конца утрачен,
Что из имперских, Богом данных сфер.
Хранит в душе он, так или иначе,
Все лучшее, что создал СССР.

Скоро

Снег еще кружится по привычке,
Но уже сугробы не светлы.
У весны пушистые реснички
Изумрудно-голубой весны.

Ее голос – жаворонок громкий,
Ее чувства – радость без конца.
У весны пророчные глазенки
Серебристо-черного скворца.

Снег еще проносится печальный,
Сам не знает, в чем его вина...
Скоро будет в платьице венчалки
Красоваться вишневой весна.

Беззвездная ночь

Темнеют деревьев макушки,
На небе луна не видна.
Тоска одинокой кукушки
Не выпита за день до дня.

То стонет с осины, то с ели,
То плачет с березы в ночи.
Летят соловьиные трели,
Лишь только она замолчит.
«Ку-ку» – эту грусть вековую

Понять неподвластно уму.
Кукует кукушка, кукует,
Не зная сама почему.
Что выразить хочет невнятно
В беззвездном зеленом краю?
Не знает никто, но понятна
Кукушкина грусть соловью.

Любовь крепка, как русская броня,
Она смирней, чем римская волчица.
Стоит душа на линии огня,
И от него ей некуда укрыться.

Она мишень еще с осады Трои.
С тех пор сложнее стало бытие.
Теперь, кто чувства этого не стоит,
Из всех орудий целился в нее.

Судьба

У Катеньки недетская игра –
В себя влюбила Диму и Петра.

Приятели давно лишились сна.
Но понимала ли любовь она?

О чувствах их не думала особо –
Ей нравились одновременно оба.

«Определись, любимая, пора!»
(И в этом Дима повторял Петра.)

Погибли парни, как от сглаза
В предгорьях зимнего Кавказа.

Узнав об этом, Катя обмерла,
Перебралась в столицу из Орла.

Ее красивую в расцвете лет
Взял в жены бизнесмен Ахмед.

Триада

В жизни понять я смог,
Что существует триада:
Мать моя, Родина, Бог –
Ценности первого ряда.

В годы любых перемен
Дух сохраняет триада.
Все, что подsunут
Русскому сердцу не надо.

Разразился дождем небосвод,
Зашуршала лениво осока.
Лист осенний по речке плывет,
Словно рыба, побитая током.
На воде от дождинок крути
Закачали прибрежную тину,
А под берегом, как утюги,
Плоскодонки на привязи стьнут.
Грусть вокруг от увидшей красы –
У ракит обнаженные кроны.
И не лают заречные псы,
И куда-то исчезли вороны.
Словно в местной округе уже
Без тепла обескровилось сердце.
Остро чужь сиротство в душе,
От которого некуда деться.

Бездонна глубь небесной чаши,
Воображение ищет дно.
Звездочку смотрит миг вчерашний
В мое вечернее окно.

О, сколько было в прошлом света!
Не истечет никак до дна.
Но у тебя звезда не эта
Стоит в квадратике окна.
В твоём саду застыли тени,

Чья жизнь короткая скупа.
Дрожит и лезет куст сирени
Под жало лунного серпа.

И все вокруг глядится строже
При свете мертвого огня.
Я знаю, утром ты не сможешь
И шага сделать без меня.

Я сам приду к твоей террасе,
Ты только взглядом позови.
Ведь ни одна звезда не гаснет
В глуби бездонной у любви.

Плывет заря, как пыльные,
Малиново-светлым огнем.
Тревожат лучи заревые
Уснувший лесной окаем.
В округе земля потеплела,
Проснулись поля и леса.
У края земного предела
Светлеют без туч небеса.
И тьму пред собой раздвигая,
Заря все горит и горит.
И меркнет луна слюдяная,
Над храмом и купой раки.
Пора приниматься за дело,
Пока бьется сердце в груди...
Еще одна ночь пролетела,
Еще один день впереди.

Из прошлого

Будоражат память мне детства
отголоски,
И змеится, вдаль колебля, колея
повозки.

Ось колесная с утра дегтя переела –
Густо мажется трава следом то и дело.

Город скрылся позади в мареве и саже,
Лишь торчат кляпки руин
от ударов вражьих.

Мамин голос надо мной ласковый
и сладкий,
Но зачем мы едем с ней вдоль
лесопосадки?

И о чем поет, взлетев,
беззаботно птица?
Слышал, едем у селян чем-нибудь
разжиться.

Может, легче там, в тиши,
за лесной сторожкой
Наши тряпки обменять
на мешок картошки?..

Я ответить не могу – помню то,
что было.
Память детская войну плененой
закрыла.

И споткнулось время здесь –
никуда не скачет,
Мирно село отдыхать на хребте
у клячи.

И себя не вижу я, но стоит телега,
На лужайке гуси спят,
как остатки снега.

Да лошадку овод злой атакует бодро.
Кожа бурая дрожит, обнажая ребра.

И громадные глаза над остатком
в торбе
Отражают целый мир
в неподдельной скорби.

Ключевка

(Уникальное родниковое место
под Ливнами)
Диск солнца над рассветной полосой
Застыл в шафрановой окраске,
Напомнив водяное колесо
Ключевской мельницы среди ряски.

Почти что чудо — райская среда.
Змеясь, ключи звенели отовсюду,
И в речку звонкую студеная вода
Стремилась убежать через запруду.

А рядом, растревожив небосвод,
Перепела, осев, кричали в поле...
Зерно сгружали мужики с подвод
И не спеша на мельнице мололи.

А между ивами клубился пар.
Дрожала в старом желобе водица...
Невдалеке виднелись мал и стар –
Паломниками шли сюда напиться.

С годами изменилась та тропка,
Нет мельницы, которой дорожили...
Водопроводная торчит труба
Уродливо в ключевской жиле.

После грозы

Завершили тучи меж собою спор.
Ширится, светлеет голубой простор.

Дрогнули, почуяв солнечный разлив,
Колпаки грачиные на макушках ив.

Тут же разорвались вдоль и поперек,
И понес клочки их легкий ветерок.

Черными ресницами хлопает расцвет.
В голубом просторе – суета сует.

И до горизонта – рядом и вдаль –
Пар идёт от груди вспаханной земли.

Снова свет сияет мраку вопреки,
Вновь играет рыба на спине реки.

Молнии сверкали и пугали зря
Все живое в споре туч промеж себя.